
«Пестрел деревнями, дорогами дол...»

Сергей СМИРНОВ, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской классической литературы Новгородского государственного университета.

Николай Алексеевич Некрасов родился 10 декабря (28 ноября по старому стилю) 1821 года на Украине, в местечке Немирове Подольской губернии, но сам он обычно своей родиной называл Ярославский край: семейство Некрасовых переехало с Украины в Ярославское родовое имение Грешнево в середине 1820-х годов.

Как добираться до Грешнева, Некрасов указал в своих «Автобиографических заметках»: «Если переехать в Ярославле Волгу и пройти через Тверицы, то очутишься на столбовом почтовом тракте. Проехав 19 вёрст по песчаному грунту, где справа и слева песок, песок, мелкий кустарник и вереск (зайцев и куропаток там несть числа), то увидишь деревню, начинающуюся столбом с надписью: «Сельцо Грешнево, душ столько-то господ Некрасовых»».

Теперь от Ярославля можно добраться до Грешнева на машине минут за двадцать, а автобусом, конечно, подольше.

Едва отъехав от города, мы начинаем слышать мелодию названий деревень и сёл, которые знакомы по произведениям поэта. Дорожный указатель говорит о том, что в полутора километрах справа находится Ботово, его видать с дороги. Это название входит в текст «Деревенских новостей» («В Ботове валится скот...»). Само стихотворение — о дороге поэта на родину, которая полна дорогих, родных с детства примет, о местах и людях, которые милы сердцу. В некрасовской поэзии каких только нет путей: есть и дорога-обман (праздничная дорога коробейников, оканчивающаяся гибелью), и загадочная дорога в поисках счастья в поэме «Кому на Руси жить хорошо», и жертвенная дорога декабристок в «Русских женщинах», и много других, из которых выделяется дорога — исток всех иных, многократно описанная, вспоминаемая, предчувствуемая, узнаваемая вновь и вновь — дорога на родину:

Благодарение Богу,
Я совершил ещё раз
Милую эту дорогу...

Ярославско-костромская дорога — это участок большой дороги из Санкт-Петербурга в Сибирь, её называли ещё Сибиркой. Во время весенних разливов Волги эта дорога в Ярославском уезде затоплялась отчасти водой,

а в Даниловском затоплялась вся, на это время движение переносилось на нагорную дорогу (по правому берегу Волги), в конце 1850-х годов оно было перенесено туда окончательно. Вот такие своеобразные места раньше здесь были.

Через несколько минут после поворота к Ботову проезжаем деревню Вахрушово. Первое использование Некрасовым в поэтических произведениях названий населённых мест Ярославской губернии следует отнести к 1845 году — в шуточном стихотворении «Карп Пантелеич и Степанида Кондратьевна».

Стихотворение это до сей поры в собраниях сочинений поэта перепечатывается как предположительно приписываемое Некрасову. Однако встречающиеся в тексте названия позволяют аргументировать авторство более полно. По поводу одного героя говорится, что он «владел Вахрушовым обширным», а другой характеризуется как «обладатель деревни Сопёлок (Турово тож)». Само название — «Сопёлки (Турово тож)» — несёт интересный подтекст. Дело в том, что первым населённым пунктом вниз по Волге (по правому берегу) после Ярославля были Сопёлки, затем следовал ряд деревень и сёл, а на границе с Костромской губернией стояло Турово. То есть здесь мы имеем дело с попыткой создания названия-символа путем использования реальных названий.

Сопёлки и Турово, а правильнее, наверное, места от Сопёлок до Турова известны как классические охотничьи места Некрасова.

Вместе с тем Сопёлки известны и тем, что в конце XVIII века там старцем Евфимием была создана секта «бегствующего иерейства», или, как стали говорить позднее, странников. И.С. Аксаков, входивший в состав Комиссии по расследованию раскола в Ярославской губернии, описывал это село в письме от 14 сентября 1850 года так: «На этой неделе мы ездили в уезд, и там я осматривал знаменитое село Сопёлки, где все почти дома устроены с потаёнными местами, фальшивыми крышами, двойными стенами и т.п. Следовательно, уже самые постройки производились с умыслом, и пристанодержательство не случайное, а организованное». Подобные тайники были распространены по всему Поволжью Ярославской губернии. Возможно, что деятельность странников и борьба с ними правительства послужили впоследствии поводом к созданию рассказа о «Божьем страннике» Ионе Ляпушкине и «старообряде Кропильникове» в поэме «Кому на Руси жить

хорошо».

А за Вахрушовом, на горе, расположилось село Печёлки, церковь этого села километров 10–15 сопутствует дорожным людям — то приближаясь, то вновь отдаляясь... Вскоре становятся видны купола и Абакумцевской церкви.

В творчестве Некрасова сельский храм часто предстаёт как одна из характерных черт русского пейзажа, как одна из определяющих его особенностей:

Краса и гордость русская
Белели церкви Божии
По горкам, по холмам...
(«Кому на Руси жить хорошо»)

И одна из примет дороги поэта на родину – сельская церковь:

Главы церквей сияют впереди —
Недалеко от отчего порога!
(«Последние элегии»)

Одно из вспоминаемых впечатлений детства и юности:

Храм Божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул...
(«Тишина»)

Образ сельского храма у Некрасова — один из устойчивых, мы имеем возможность говорить о развитии его, о его изменениях. Обращение к этому образу у поэта связано с наивысшим поэтическим и душевным напряжением.

В «Тишине», в «Рыцаре на час» сельский храм приобретает черты памятника скорби, покаяния, сокровенного свидетеля пережитых и переживаемых мук.

Единению в горе порою поэт мог противопоставить единение в радости: в стихотворении «Накануне Светлого праздника» сельский храм предстаёт именно как символ праздника, его средоточие. А в «Сельской ярмонке» церкви отведена даже роль участника в кратком общем веселье:

И даже церковь старую
С высокой колокольнею
Качнуло раз-другой...

Долгое и подробное описание разрушающейся сельской церкви в «Детстве» как бы завершает череду образов сельского храма. Здесь храм возникает и как хранитель памяти о поколениях прихожан. Сам ритм, напоминающий ритм церковной службы, создаёт ощущение обряда поминовения:

В ветхую церковь бестрепетно
В праздники шли православные, —
Шли старики престарелые,
Шли малолетки беспечные,
Бабы с грудными младенцами,
В ней причащались, венчались,
В ней отпевали покойников...

Говоря об образе сельского храма у Некрасова, конечно, следует отметить, что поэт воплотил в стихах народное восприятие церкви, обычаи которой вплетались в крестьянскую жизнь, пронизывая её от рождения до последнего приюта.

В стороне от дороги (примерно в километре) — церковь села Абакумцева. Это место особое. Некрасовы, живя в Грешневе, были прихожанами абакумцевской церкви Петра и Павла. Возле неё похоронены дед поэта, его мать и отец, его дядюшки, его братья.

Этот храм описывается в стихотворении «Рыцарь на час»:

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,

Вся бела, вся видна при луне
Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий...

Рядом с церковью находится здание школы, которая была построена для крестьянских ребятишек на средства поэта.

Мир некрасовских мест неповторим, привлекает в нём и такая черта, как своеобразное взаимопроникание: одно место напоминает о другом, а то связано с третьим, с четвёртым...

Раз уж мы отделились от большой дороги, то продвинемся ещё немного — и окажемся на Теряевой горке. Первое, что приходит здесь на ум, — это строчки из поэмы «Дедушка»:

Рад я, что вижу картину
Милую с детства глазам.
Глянь-ка на эту равнину —
И полюби её сам!
Две-три усадьбы дворянских,
Двадцать господних церквей,
Сто деревенок крестьянских
Как на ладони на ней!

Что интересно — во времена Некрасова “две-три усадьбы дворянских” увидеть с Теряевой горки было легко, а вот двадцать церквей — нет. Однако именно такое число сельских храмов и было в ближайших окрестностях Грешнева. Перед нами в поэме возникает пейзаж, увиденный с птичьего полёта, и это для Некрасова не редкость, в стихотворении «Накануне Светлого праздника» встречаемся с таким же ракурсом: “Пестрел деревнями, дорогами дол...”

На северном склоне Теряевой горки стоит деревня Спиридово, а километров десять ещё к северу — Давыдово. Эти названия звучат в «Коробейниках»:

Нужно было из Спиридова
Вызвать Тита Кузьмича,
Описались — из Давыдова
Взяли Титушку-ткача!

Впрочем, с Теряевой горки видать и Грешнево — вот туда и направимся: всех дорог возле Грешнева нам в этой статье не обойти, будем уж стараться держаться старой ярославско-костромской.

Грешнево входило в состав родового имения Некрасовых, в этом сельце и находилась барская усадьба, которая была построена в 1803 году дедом поэта Сергеем Алексеевичем Некрасовым. Она досталась в наследство

Алексею Сергеевичу Некрасову, в 1826 году он со всей своей семьёй в ней и поселился.

Детство поэт провёл в Грешневе, бывал в нём и в зрелую пору, впечатления от Грешнева и его ближайших окрестностей оказались запечатлёнными в целом ряде произведений («Родина», «На родине», «Саша», «Тишина», «Деревенские новости», «На Волге», «Коробейники», «Кому на Руси жить хорошо» и других).

Усадьба в Грешневе располагалась довольно необычно: буквально на обочине большой ярославско-костромской дороги. Разнообразные дорожные типы (от “несчастных”, закованных “в железа”, до крупных чиновников и помещиков) как бы входили в грешневский усадебный мир, определяли его своеобразие — об этом позднее поэт писал в своих воспоминаниях, упоминал также о близости Волги как о своеобразной черте местоположения усадьбы.

Грешневский усадебный уклад во многом определяла и хозяйственная деятельность А.С. Некрасова. Земледелие приносило небольшой доход, Алексей Сергеевич завёл в усадьбе мастерские по производству дорожных экипажей, по выработке мебели. Он держал ямскую гоньбу, выставлял лошадей для проезда из Ярославля в Кострому. При усадьбе была большая псарня — на продажу выставлялись и собаки. Одно из последних по времени хозяйственных предприятий А.С. Некрасова — создание духового оркестра из крепостных, который отпускался для заработков на именинные обеды и прочие торжества. Для оркестрантов было построено в усадьбе особое здание, которое называлось музыкантской (это единственная усадебная постройка, которая сохранилась до сего дня).

В 1862 году А.С. Некрасов умер, и сельцо Грешнево с усадьбой перешло к братьям Николаю и Фёдору Некрасовым. В 1864 году барский дом сгорел. Несмотря на желание Н.А. Некрасова выстроить хотя бы “маленький домишко” в Грешневе никаких попыток в этом отношении не

предпринималось. В 1872 году поэт передал все права на свою часть Грешнева брату Фёдору, который в здании музыкантской открыл чайную «Раздолье», а впоследствии продал её купцу Титову.

Жизнь Грешнева и его окрестностей прошла перед Некрасовым в течение полувека, явилась источником многих образов и тем.

Как же жила эта округа?

Одной из характерных черт был массовый уход мужского населения на заработки в город — в каменщики, плотники, штукатуры, лепщики, мостовщики.

Однако не все уходили, кое-кто и оставался. В окрестностях Грешнева производили кожаную обувь и рукавицы, валенки валяли, занимались тележным и бондарным промыслами — и плотничьим, и горшечным, и красильным, и кузнечным. Делали детские игрушки, деревянную посуду, чашки и, конечно, то, что нужно для сельского хозяйства: бороны, косули, грабли, молотилки, плуги, мялки, бёрда, прялки, корзины.

А вместе с тем какое множество вариантов жизнеустройства перед нами! И очень разные, и в чём-то похожие — и всё это судьбы, судьбы...

Немудрено, что и внешне селения вокруг Грешнева привлекали внимание своим разнообразием — в одной деревне можно встретить дома и с четырёхскатными крышами, и с двухскатными, дворы, находящиеся на одной линии с домом и пристроенные сбоку дома, есть ещё деревни, в которых на одном конце колодец-ворот, а на другом — журавль и так далее.

Сами селения являлись важным объектом народного творчества. Не говоря о многочисленных видах резьбы, украшений, само расположение деревень и сёл, их кажущаяся стихийной планировка представляли весьма сложную архитектурную композицию: здесь и разнообразие ракурсов на селение и окрестности по мере продвижения по посадку, чередование пауз и подробностей в виде проулков и самых разных ворот, изгородей, колодцев, и в то же время соединение всего этого в одно целое.

То есть говоря об окрестностях Грешнева, довольно-таки трудно говорить о каком-то определённом способе застройки или типичном виде жилья, а уж тем более о размерах: сходство было только функциональное, как у прялок или дуг.

Поэтом были пройдены сотни “деревенек крестьянских” — поволжских, даниловских, ростовских, костромских, владимирских... Названия некоторых из них остались в стихах и поэмах, иные встречаются только в черновиках. В Грешневе очень обыденно звучит, например: “Надо сходить в Пьяново”, или: “Давай-ка съезди на своём велосипеде до Мишнева и скажи тётке Шуре, что в гости ждём”. Пьяново всего в трёх километрах, Мишнево — в двух. Всё рядом. Но любопытно вспомнить, что действие драматического произведения «Забракованные» разворачивается в селе Пьянове, да первоначально и Яким Нагой из «Кому на Руси жить хорошо» жительствовавал

в Пьянове (“Пиши в деревне Пьянове // Яким Нагой живёт”), и Мишнево упомянуто в черновиках этой поэмы — один из “счастливых” объясняется так: “На днях только под Мишневым // Помял меня маленечко // Сороковой медведь”.

Знаменательно, что названия деревень и сёл в окрестностях Грешнева Некрасов зашифровал в фамилиях своих персонажей. В некрасовской прозе выделяется довольно большая группа фамилий необычных, но и не имеющих какого-то явного смыслового значения. Например, в «Тонком человеке»: Варахобин, Закобякин, Лыкошин; или в «Трёх странах света»: Окатов, Ласуков, Понизовкин и так далее. Такого рода фамилий набирается более трёх десятков, они образованы от названий населённых мест в окрестностях Грешнева (Варахобино, Закобякино, Лыкошино, Окатово, Ласуково и так далее). К этому следует прибавить, что такие псевдонимы Некрасова, как Пружинин, Бухалов, Сычовкин, также соотносятся с реальными названиями деревень и сёл.

Стремление запечатлеть приметы “края родимого” характерно на протяжении всего творчества поэта; обращаясь к теме деревни, он обращается и к теме родины, к тому, что обозначил как “всему начало”.

Грешнево ныне всё более превращается в современный посёлок. От некрасовской усадьбы осталось, как уже говорилось, только здание музыкантской, где недавно располагался отдел Некрасовского музея-заповедника, теперь же этот дом, по-видимому, “на консервации”: окна тщательно заколочены щитами, на которых ранее была смонтирована экспозиция. Но сохранился ещё небольшой уголок усадебного парка, сохранились ещё и липы, посаженные матерью поэта...

От Грешнева ярославско-костромская дорога идёт к Тимохину (где была станция, на которой А.С. Некрасов держал лошадей для ямской гоньбы), а от Тимохина — к Рыбницам.

Об этих местах А.Н. Островский писал так: “По луговой стороне виды восхитительные: что за сёла, что за строения, точно как едешь не по России, а по какой-нибудь обетованной земле.

Вот, например, Овсянники, в которых мы остановились теперь: эта деревня, составляющая продолжение села Рыбниц, так построена, что можно съездить

из Москвы полюбоваться только. Она, вместе с селом, тянется по берегу Волги версты 3”.

Рыбницы, Овсянники, Тюмба да и другие близлежащие селения известны тем, что в них формировались артели лепщиков. Из их среды и вышел великий скульптор Опекушин, который похоронен в Рыбницах, рядом с церковью Всемилоственного Спаса.

К сожалению, некоторые негативы не сумел я отыскать, поэтому представьте себе избу с двором на самом берегу Волги. Изба эта вся изукрашена — не догадаетесь чем и как. На фасаде вылеплены Амур и Психея. По бокам — колонны всяческих ордеров. А над двором раскрыл пасть лев — очень похожий на своего сородича, что стоит возле Адмиралтейства в Санкт-Петербурге. Вот лет пятнадцать назад такой “декор” ещё присутствовал, но когда решили создать музей Опекушина, то выкупили у владелицы домика в Овсянниках и льва, и амуров, но музей пока так и не открыли.

Впрочем, если б и не было подобного рода украшений (понятно — не на каждом доме они и красовались), поволжские селения всё равно не могут оставить равнодушными. Волга пронизывает уклад и быт, тем самым придавая селениям неповторимый облик.

Две дороги — большая ярославско-костромская и Волга — идут от Рыбниц рядом. С “береговой дороги” ведётся описание Волги в «Горе Старого Наума». В этом стихотворении местожительство героя указывается так:

Вблизи — Бабайский монастырь,
Село Большие Соли,
Недалеко и Кострома...

В черновом варианте “адрес” в принципе тот же:

Вблизи Бабайский монастырь
И Рыбца (так у Некрасова. — С.С.) — селенье...

Стало быть, либо в Рыбницах, либо в Овсянниках, либо в Тюмбе и мог жить Наум. Наум — фигура крайне несимпатичная, он наживаетея на нужде и горе своих односельчан, которые попадают к этому кулаку в кабалу. Наум уже уверен в своей безнаказанности и хвастает властью своих денег:

Округа вся в горсти моей,
Казна — надёжней цепи:
Уж нет помещичьих крепей,
Мои остались крепя.
Судью за денежки куплю,
Умилостивлю Бога...

Этому пауку, этой паучьей жизни противопоставлены картины Волги и описание народного труда:

Люблю я краткой той поры
Случайные тревоги,

И труд, и песни, и костры.
С береговой дороги
Я вижу сотни рук и лиц,
Мелькающих красиво,
А паруса, что крылья птиц,
Колеблются лениво.
А месяц медленно плывёт,
А Волга чуть лепечет...

Жителям Рыбниц и близлежащих деревень приходилось заниматься паузкой — перегружать груз с больших судов на более мелкие, чтобы преодолеть знаменитую Овсянниковскую мель (она была довольно значительна — простиралась на три версты). Вот изображение этого труда мы и встречаем в стихотворении.

Трудно удержаться и не сказать хоть несколько слов об упомянутых в этом произведении местах.

Бабайский монастырь (полное название — Николо-Бабаевский) известен был по всей России. Постройка его относится к XVI столетию, имел он стену, похожую на крепостную, за которой возвышался пятиглавый собор во имя Иверской иконы Божьей Матери. Название своё монастырь получил оттого, что первоначально был выстроен на “бабайках” — деревяшках, употребляемых при сплаве леса. И из Грешнева ездили порой в Николо-Бабаевский монастырь на богомолье.

Этот монастырь упомянут Некрасовым в стихотворении «На Волге»:

Кругом всё та же гладь и ширь,
Всё тот же виден монастырь...

Ни время, ни люди не пощадили его. Храм и стены разрушены. Стоят ещё остатки келейного корпуса, но неизвестно — сколько ещё простоят.

Большие Соли — не менее известное место. За свою долгую историю они назывались по-разному: Великая Соль, Соль Большая, Усольск. Кстати, Е.Лаговский в своей книжке «Описание Больших Солей», изданной в 1860 году, жителей Больших Солей постоянно называет “усольцами”. Очевидно, отсюда возникли “усоловцы” и “Усолово” в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

...Старообряд Кропильников,
Старик, вся жизнь которого
То воля, то острог.
Пришёл в село Усолово:
Корит мирян безбожием,
Зовёт в леса дремучие
Спасаться...

Про Большие Соли сложена пословица, а ведь не всем и городам такая честь! В сборнике В.Даля «Пословицы русского народа» читаем: “К Соли иду —

ничего не несущу, от Соли иду — полну пазуху несущу”. Из пояснения к этой пословице узнаём, что жители Больших Солей “по обилию в овощах снабжают ими пеших посетителей безвозмездно”.

Усольцы занимались ещё резьбой по дереву и иконописанием, а давным-давно — добывали соль. Соляные варницы существовали там до XVIII века. Это занятие и дало название месту.

Большие Соли живописно раскинулись на берегу Солоницы (километрах в двух-трёх от Николо-Бабаевского монастыря), до начала XX века в их облике была и такая своеобразная черта — изрядное число ветряных мельниц у реки. Сейчас Большие Соли носят название Некрасовское и являются центром Некрасовского района.

Поскольку мы на Волге, то уместно будет сказать о труде бурлаков, изображение которого заняло такое важное место в поэзии Некрасова.

Что лукавить — чаще всего мы получаем представление об этом труде благодаря известной картине И.Репина «Бурлаки на Волге». Но ведь художник создавал своё полотно (1870-е годы), когда бурлаков уже, по сути дела, не было, грузы перевозили пароходами. Может, где иногда и тянули людьми — но какую-нибудь небольшую речную посудину, да и то это был исключительный случай.

Некрасов же описывает свои впечатления от труда бурлаков 1830-х — начала 1850-х годов. Волга в те годы тоже выглядела очень пёстро, речных судов в ту пору было великое множество, назовём хотя бы наиболее известные: буксирные пароходы, кабестанные пароходы, конно-машинные суда, ладьи, беляны, мокшаны, расшивы, унженки, коренные, бархоты, шитики, барки, коломенки, суряки, асланки, тихвинки, соминки и т.д. и т.п.

Весьма выделялись из этого многообразия расшивы. В книге Н.П. Боголюбова «Волга от Твери до Астрахани», изданной в 1862 году, есть такое описание расшив: у расшивы “мачта имеет до 15 сажень высоты и составляется из пяти дерев. Эти суда — самые красивые на Волге. Украшения их весьма затейливы. На носу обыкновенно рисуются глаза, либо сирены, либо иные чудовища, неведомые самим художникам, их рисовавшим, а борта изукрашены резьбой, около которой, кроме топора, не трудился никакой другой инструмент. Огромный парус расшивы, имеющий почти ту же ширину, что и высота мачты, наполненный ветром, быстро движет судно вперёд и поражает смелостью своих размеров. Расшивы ходят по всей Волге от Рыбинска до Астрахани и поднимают груз от 5 до 20 тысяч пудов”. Надо заметить, что когда “паруса наполняются ветром” — это время отдыха для бурлаков, но за всю историю путин, оказывается, была только одна, когда в основном суда шли под парусами, то есть работать по большей части приходилось бурлакам, а не ветру. Как вы видите, расшива очень большое судно, нечего и думать, что с ним могли справиться 10-15 человек. Аравушки (артели) насчитывали и 100, и 200, и 300 бурлаков. Да и в таком

составе работа, что называется, не сахар: шагать бурлаки могли только правой ногой — левую от тяжести далеко было не занести, особенно трудной была работа при противном ветре, на мелях, в непогоду. Многие от таких условий заболели, с ними хозяева поступали проще простого: оставляли на берегу, нередко вдали от всякого жилья и людей. Как отмечали этнографы позапрошлого века, сами бурлаки всегда отличались добродушием, честностью и доверчивостью к старшим.

Некрасов в изображении бурлацкого труда весьма реалистичен. Вспомните, как идут бурлаки в стихотворении «На Волге»: “С болезненным припевом «Ой» // И в такт качая головой”. За этот припев бурлаки принимались, когда расшива сядет на мель:

Ой раз, ой раз!
Ещё раз, ещё раз!
Взглянись, друг!
Возьмись вдруг
Да и ух!

Остаётся представить только, что эту рабочую песню поёт сотня мужиков, усиливаясь стащить судно с мели. Думается, весьма это будет похоже на “стон”, который “у нас песней зовется”...

По ярославско-костромской дороге, идущей возле Волги, лежал и путь коробейников:

Чем попало развлекаются
По дороге торгоши.
По реке идут — с бурлаками
Разговоры заведут:
“Кто вас спутал?” — И собаками
Их бурлаки назовут.
Поделом вам, пересмешники,
Лыком шитые купцы!..
Потянулись огурешники:
“Эй! Просыпал огурцы!”

На дороге после Рыбниц и Овсянников расположено селение Тюмба. В несколько изменённом виде это название прозвучало в черновом варианте поэмы:

Эх! Пословица-то есть:
Коли три версты обходами,
Прямыми будет шесть!
Да в Тюньбе, в селе, мошейники
Сбили с толку, мужики:
“Вы подите, коробейники,
В Кострому-то напрямки...”

В окончательном варианте название Тюньба было заменено на Труба. Некрасов, надо заметить, нередко использовал вариант реального названия, и, скорее всего, Труба — разговорное название деревни Трубниково, находящейся километрах в десяти от Грешнева.

А за Тюмбой следовала когда-то деревня Понизовка, но теперь её нет — теперь тянется довольно большой картофелепаточный завод, выстроенный купцом Никитой Понизовкиным (некоторые считают, что он и был прототипом Наума), тянется и рабочий посёлок при заводе. Что любопытно — при Никите Понизовкине предприятие процветало, при социализме — тоже далеко не бедствовало, а в наше время вроде бы совсем встало. Разрушается и великолепное усадебное здание рядом с заводом.

После при заводского поселка дорога резко поворачивает от Волги и подводит вскоре к селу Бор, после этого села она шла уже по Костромской губернии, но ныне от Бора до Костромы “напрямки” не добраться — встало преградой Костромское водохранилище.

Это село имеет известность среди искусствоведов — там находится Никольская церковь, построенная в 1725 году. В Костроме памятников первой трети XVIII века уже нет, в Ярославле остался ещё один — и вот есть в Бору.

Бор известен ещё по довольно забавному случаю. В 1834 году император Николай I ехал из Ярославля в Кострому, в Бору была устроена подстава, то есть были приготовлены сменные лошади для царского поезда. И, наверное, всё было бы благополучно, но исправник в своём служебном рвении решил “перебдеть”: дабы подданные не причинили государю какого-либо беспокойства, он место смены лошадей оградил натянутым канатом, за который бы уж никто и не входил. Это усердие принесло совершенно неожиданные плоды. Император был разгневан столь неприличной выходкой (кто-то дерзнул отделить его от его народа!) и приказал арестовать исправника на восемь суток, о чём и сообщили обывателям губернские ведомости.

Ранее от Бора вела просёлочная дорога к Вятскому — в это село мы и отправимся. Теперь дорога асфальтированная — такая же, по какой мы и ехали.

Каких только определений не заслужило Вятское! Его называют и заповедником сельского каменного зодчества XVIII–XIX веков, и музеем под открытым небом, восторгаются его архитектурной цельностью... Похоже, скоро все эти определения будут звучать в прошедшем времени. И если есть возможность, побывайте там, ведь, оказывается, так многое из привычного уже прошлое — и прошлое невозвратное. Этой участи не избегает и Вятское, уже есть утраты, уже есть пустоты: то в один год не досчитывается оно дома, то в другой — двух... Но удивительная его цельность ещё есть, ещё чувствуется. Прошлым летом я навестил его вместе с людьми, никогда дотоле в Вятском не бывавшими, и был обрадован их изумлением.

Вятское разбогатело на огуречном промысле. Маленькое пятно чернозёма и большой труд прославили это село далеко за пределами Ярославской губернии — известно, что возили раз вятские огурцы даже в Швейцарию. Дома в Вятском — каменные, довольно часто они украшены лепкой. Но этим в Ярославской губернии особенно-то и не удивишь: и Великое почти всё каменное, и Диево-Городище... В Вятском на редкость гармонично сочетается ландшафт, природная среда и архитектура, что создаёт атмосферу удивительной взаимопроницаемости: в какой бы точке села мы ни находились — видим его почти всё.

В Вятском без особого труда узнаётся село Кузьминское из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», которое описывается очень подробно:

Кузьминское богатое,
А пуще того — грязное
Торговое село.
По косогору тянется,
Потом в овраг спускается,
А там опять на горочку —
Как грязи тут не быть?

Две церкви в нём старинные,
Одна старообрядская,
Другая православная,
Дом с надписью: училище,
Пустой, забитый наглухо,
Изба в одно окошечко,
С изображеньем фельдшера,
Пускающего кровь.
Есть грязная гостиница,
.....
Есть лавки постоянные
Вподобие уездного
Гостиного двора.

В черновых вариантах обилие деталей было ещё более распространённым: есть указание на архитектуру села — “много даже каменных купеческих домов”, указывается ещё и наличие богадельни. Из главы «Пьяная ночь» узнаём, что в Кузьминском была станова́я квартира.

Совокупность перечисленных особенностей — две церкви, овраг, училище, фельдшерский пункт, постоянные лавки, квартира станового, большое количество каменных домов, богадельня — была присуща только одному селу в Ярославской губернии — Вятскому.

Описывая ярмонку, поэт указывает особенности, которые были присущи именно Вятскому. Сразу же выделяется эпизод со “старообрядкой злющей” — а Вятское было одним из центров старообрядчества.

Товары, которые продавались на ярмонке —

Косули, грабли, бороны,
Багры, станки тележные,
Ободья, топоры, —

были, конечно, на многих сельских базарах и ярмарках, но любопытно то, что почти все они производились в Вятской волости или близлежащих.

Короткие рассказы-эпизоды останавливают внимание на товарах, для Вятского наиболее характерных. Например, эпизод с мужиком, пробующим обод: потребность для Вятского и Вятской волости в ободах и бочках была весьма важной ввиду занятия огуречным промыслом.

Километрах в пяти от Вятского находится деревня Клин. Это название тоже звучит в поэме. В Клину странники услышали рассказ Матрёны Тимофеевны о своей доле.

Реальная деревня Клин (или Клины) удивляет сразу же, как вы к ней приблизитесь: почти все дома в ней покрыты соломой. Вот не в кино, а “взаправду” стоят домики, словно укрытые заботливым косматым одеялом. А на вопрос, не протекает ли такая крыша, и на сомнения по поводу её практичности местные жители убеждённо отвечают, что нисколько не хуже она любой другой и гораздо лучше железной: дождь не гремит, а — “шепчет”.

Деревня Клин, находящаяся рядом с богатейшим селом Вятским, жила в безысходной бедности: почва там почти не пригодна для посевов. Замуж в эту деревню отдавали как в ссылку. Могли бы ведь при желании жители Клина переселиться хотя бы на пять вёрст для улучшения материального положения? Могли, но они этого не сделали, остались там, где родились. Эта ситуация соотносится с одной из центральных тем поэмы «Кому на Руси жить хорошо» — темой родного дома. Вспомним — в родной дом стремятся многие герои поэмы, возвратившиеся на родину обретают и исцеление, и новые силы. Сами странники “заскучали” по дому очень быстро. Пожалуй, наиболее выразительный пример: бурлак, который у Некрасова обычно “унылый” и “сумрачный”, в поэме — весел и бодр, потому что возвращается домой. Верность месту, где родился, родному дому — одно из великих нравственных достоинств народа. Савелий, отделённый от родины десятилетними муками сибирской каторги, смириться с изгнанием не может, возвращается в родную деревню. Для Матрёны “тридцать вёрст” — уже чужбина. Именно родина была средоточием народных чувств и мыслей, вокруг неё уже всё остальное. “Глухой угол” — понятие городское, именно городская боязнь пространства порождала ощущение заброшенности, забытости, крестьянству весьма чуждое. Ведь в истоках народного сознания прежде всего лежала ценность и значимость отдельной судьбы в составе мира. Духовно сильный человек своей “затерянности” никак не принимал и не ощущал.

Заметим также, что само восприятие пространства у Некрасова лежит в русле народного сознания: едва различимые препятствия неожиданно оказываются непреодолимыми, а огромные расстояния легко сокращаются, происходит соединение далёкого и близкого, начала и конца — как на иконных клеймах.

Рядом с Вятским проходит теперь шоссе Ярославль–Любим, вернуться в Ярославль можно довольно быстро — до него всего тридцать километров. Но если раньше мы ехали в основном по ровной местности, то теперь пойдут

горки и холмы да спуски. А справа и слева от дороги будут деревни, сёла, церкви, и будут указатели с названиями, которые известны читателям Некрасова. Впрочем, есть одно место, которое указателя не имеет. Отъехав километра четыре от Вятского, вы замечаете, что справа от дороги стоит среди кустарника полуразрушенная церковь. Нет рядом с ней никаких домов. Во времена же Некрасова здесь было село Шахово — это название встречается в «Деревенских новостях». Если помните, после выезда из Ярославля одна из первых придорожных деревень называлась Ботово. В реальности Ботово и Шахово довольно далеко друг от друга расположены, но в «Деревенских новостях» — звучат рядом, и это, конечно же, тоже своего рода обозначение родных мест. Ведь если, говоря о некрасовских местах Заволжья, мы назовём только Грешнево и Абакумцево, то это будет просто-напросто искажением отношения Некрасова к родине. Родные места в восприятии поэта не ограничивались тем же Грешневом, в них входили и лежащие в округе “сто деревенок крестьянских” — с их укладом, заботами, надеждами. К этим местам поэт возвращался в своём творчестве — живя в Петербурге, в Карабихе, в Чудовской Луке. Поэтому закончить эту статью-путешествие, думается, можно некрасовскими стихами, в которых возвращение на родину запечатлено очень искренне и радостно:

Вот и Качалов лесок,
Вот и пригорок последний.
Как-то шумлив и лёгок
Дождь начинается летний,
.....
Вот уж запасный амбар,
Вот уж и риги... как сладок
Тёплого колоса пар!
Останови же лошадок!
Видишь: из каждых ворот
Спешно идёт обыватель.
Всё-то знакомый народ,
Что ни мужик, то приятель.
— Здравствуйте, братцы!

* Фотографии сделаны С.В.Смирновым в 1981-1983 гг.